

ЖОЗУЛНАЯ ВОДА

СОФЪЯ
МАРКЕЛОВА

Софья Сергеевна Маркелова

Могильная вода

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70278979

SelfPub; 2024

Аннотация

На старом деревенском погосте давно уже никого не хоронят, ведь каждую весну могилы подтапливает водой. Но когда у Феди умирает нелюбимая бабушка, он, презрев все предупреждения, погребает покойницу именно там. И теперь вынужден расплачиваться за своё решение. Обложка для рассказа создана нейросетью Leonardo.

Софья Маркелова

Могильная вода

Заглушив двигатель, Федя с кряхтением выбрался из машины, хлопнув дверью, и огляделся по сторонам. Солнце пряталось за пеленой рыхлых туч. День был тоскливо-мрачным, с явным привкусом смерти, оседавшим на корне языка. Нос защищало от прохладного весеннего воздуха. Фёдор, поёжившись, плотнее запахнул куртку и двинулся вперёд.

Старая полуразрушенная деревенька Порубы дышала затхлостью забытья. Единственную дорогу размыло так, что машина по ней проехала с огромным трудом, взбивая колёсами грязь, но Федя тешил себя мыслью, что всё это было в последний раз. В последний раз ему приходилось отвечать на звонок с постылого номера, в последний раз нужно было ехать в такую даль, в последний раз он вынужден был шлёпать по лужам до скособоченного домика с полупрозрачными занавесками на окнах... Старуха имела привычку сидеть у оконца и, отдёрнув эти самые занавески, наблюдать за жизнью деревни. И, конечно, встречать приезжающих. Всегда, пока Федя шёл от машины до деревянного дома, его преследовал пристальный взгляд старухи.

Но сейчас в окне впервые было пусто.

Тяжело открылась разбухшая от влаги дверь в сени, закрипели старые доски под ногами, и Федя уверенно шаг-

нул в комнату. На двух табуретках стоял гроб, обитый пурпурным бархатом, кажущийся невыносимо роскошным для этой бедняцкой халупы. Внутри, сложив жёлтые крючковые руки на груди, лежала бабушка Раиса. Её расчёсанные седые волосы покрывали плечи, безжизненное восковое лицо вытянулось, черты обострились, а щёки впали. Совсем не узнать было в этой кукле в чёрном платье неуёмную старуху, больше всего на свете любившую недовольно кривить губы по любому поводу и пить кровь своих родных.

На диванчике неподалёку сидели две шушукавшиеся соседки в одинаковых траурных платках – Зоя и Лида – главные сплетницы деревни, везде норотившие сунуть нос. Это они обмыли тело, подготовили Раису к похоронам и ждали Фёдора с самого утра. За то, что ему не пришлось заниматься этими процедурами самому, Федя был им благодарен от души. Голое тело мёртвой старухи – последнее, что он хотел бы видеть в своей жизни.

Гроб запасливая бабка, оказывается, приготовила загодя. И похоронных денег отложила столько, что хватило бы спровадить на тот свет дюжину старух с фанфарами и почестями. Всё это соседки доверительно рассказывали Феде и совершенно не торопились расходиться по домам.

– Ты до утра тут останешься? Надо бы ночку возле покойницы побыть...

– Кому это надо? Уж точно не мне, – покачал головой Фёдор.

– Так положено, – поддержала приятельницу Лида, нравоучительно выставив палец. – Нужно ночь одну родственникам возле покойницы провести, проститься с ней, ей с вами тоже попрощаться. А у неё же никого, кроме тебя, не осталось совсем. Так что тебе бабушку и провожать.

Громко и демонстративно фыркнув, Федя ответил:

– Никого у неё не осталось, потому что всю семью она извела своим характером гнусным, старая карга! Сколько лет соки из матери моей пила, до самой смерти отца гнобила!..

Зоя принялась судорожно креститься.

– Нельзя так! Нельзя так говорить, Феденька! О мёртвых либо хорошо, либо ничего!

– Мне правду говорить не стыдно, – сказал как отрезал Фёдор и развернулся к гробу. На мгновение ему показалось, что лицо мёртвой старухи искривилось в привычной гримасе недовольства: уголки бледных губ поползли вниз, нос и лоб наморщились, задрожали морщинистые щёки. Но эта иллюзия мгновенно истаяла, словно тени отступили.

– Непростой у Раисы был характер, сами знаем... да чего уж тут, вся деревня знает, – понизив голос до шёпота, проронила Лида. – Но она же – твоя семья, Федя. Тебе и нужно почтить умершую, проводить в последний путь как следует. А то не найдёт её душа покоя. Ты, кстати, где решил бабушку хоронить? К городу ближе повезёшь, да ведь?

Фёдор даже крикнул от такого предложения:

– Гм! Делать мне нечего! Тут захороню, поблизости, на

старом погосте деревенском.

– Да ты что, окаянный! – чуть ли не хором воскликнули соседки. – На том погосте давно никого не хоронят! Паводком по весне подтапливает его теперь сильно, могилы старые размывает! Вези её в Вешнянки, там сухое кладбище есть. Всего километров тридцать. Там ей лучше будет.

– Сказал же вам, никуда я старуху не повезу. Тут родилась, тут жила всё время, в город отказывалась переезжать, как её ни просили, вот пусть и лежать вечно будет тут же, возле своей деревни. А деньги, силы и время тратить, перевозить её отсюда, я не стану!

Долго ещё препирался Фёдор с двумя деревенскими ку-мушками, заладившими, что старуху нужно было хоронить по-человечески – на сухом дальнем кладбище. Но что они могли сделать против Феди, твёрдо вбившего себе в голову, что больше он никак угождать своей бабке не будет. И так всю жизнь провёл, мотаясь к ней в Порубы, как на работу. То ей лекарства привези – от сердца, то сахара мешок – закончился, то чайник новый – прежний сгорел. И стоило вос-противиться, либо сослаться на занятость на работе – всё, в старуху вселялся настоящий демон. Она начинала скулить, плакать и выть, жаловаться на сердечную боль, либо угро-жать пойти, да повеситься, раз всем она так безразлична! Фе-дя сжимал зубы и снова ехал в Порубы. Раньше его об этом просила добросердечная мать, а, как она истаяла от болезни, Фёдору стали звонить соседи по деревне. Езжай, мол, внук к

бабке, а то кому же ещё, кроме тебя, за ней ухаживать! Уважь старость!

Бабка была живуча как клещ. Недаром ходили сплетни, что она сосала жизнь из семьи – потому мать Феди заболела и умерла, потому и отец раньше срока ушёл в мир иной, а все дальние родственники разбежались, как тараканы, прятавшись в самых дальних уголках страны. Фёдор годами надеялся, что сердце старухи скоро остановится и избавит его от этого бремени. И вот этот день настал.

Когда две соседки, ропща и причитая, в конечном счёте убрались из дома, Федя долго стоял над открытым гробом, вглядываясь в черты лица Раисы. Больше в них не было прежней склочности, затаённой злобы на весь белый свет и эдакой скрытой гадливости.

– Наконец-то я узнаю, что такое покой... – проворчал себе под нос Фёдор. – Наконец-то ты сгинешь из моей жизни, как кошмарный сон, проклятая старуха. С детства тебя терпеть не мог.

Взявшись за крышку, Федя сноровисто закрыл и заколотил гроб. После он позвал одного из местных мужиков, дал ему на водку, и вдвоём им удалось погрузить гроб на крышу машины, крепко обвязав ремнями. Мужичок, опухший и угрюмый, не удержался от замечания:

– Что ж ты, браток, повезёшь её, Раиску, как мешок картошки, что ли? Она недовольна была бы.

– Ну ты ещё поучи меня, – погрозил кулаком Федя и за-

прыгнул в машину.

Старый погост был на выезде из деревни, на берегу у полноводной речки, носившей гордое название Чертянка. Характер у неё был вздорный и непредсказуемый, отсюда и Чертянка. Деревянная ограда погоста давно покосилась и местами отсутствовала, на могилах и возле крестов ещё лежал грязный нерастаявший снег, который скоро обещал превратиться в лужи.

Недалеко, возле редкой лесной поросли, Федя разглядел одинокую избушку бывшего могильщика Василия. Бородатый дед с крепкими мозолистыми руками встретил его на пороге дома и недовольно поглядел на гроб, пристёгнутый к крыше машины.

– ...Не положено! Не стану и всё тут! – заупрямился старик, стоило Феде попросить выделить место для покойницы. – Не хоронят на погосте! Слышишь ты, дубина? Никого не хоронят тут больше! Не сегодня завтра Чертянка разольётся, опять все могилы в воде стоять будут! Нельзя!

Переговоры длились долго. Федя предлагал ящик водки – Василий посылал его ко всем чертям. Федя стал пихать старику часть похоронных денег, но не помогло и это. Дед сжимал кулаки и угрожал взяться за вилы, если Федя прямо сейчас не увезёт покойницу в Вешнянки, где ей точно найдётся место. Федя сурово пообещал уехать немедленно и бросить гроб прямо здесь, у порога дома. И только тогда Василий в сердцах плюнул и согласился, лишь бы от него отстали.

– Плохо ты это удумал. О себе одном печёшься, о других совсем не заботишься!

Место выбрали в углу, у самой ограды – подальше от реки, но дед всё равно ворчал, что вода дойдёт. Федя отмахивался, мол, какая покойнице разница, где лежать. Когда могила была готова, вдвоём они перенесли гроб и на ремнях стали спускать его вниз. Раскачиваясь и стучаясь о стенки тесной могилы, гроб погружался всё ниже и ниже, пока с гулким звуком не лёг на самое дно.

– Может, помолимся хоть об упокоении души Раисы? – предложил старик. – Или поминки в деревне справим, чтобы проводить её по-человечески, а?

– Закапывай! – непримиримо скомандовал Федя. – Мне все эти обряды глубокой древности нужны, как собаке пятая нога!

Земля застучала о крышку гроба. И только когда последние комья легли поверх невысокого холмика, Федя удовлетворённо хмыкнул.

– Крест бы надобно поставить, – тихо посоветовал Василий.

Федя окинул его равнодушным взглядом с головы до ног. Потом вытащил пару бумажек из пачки похоронных денег и сунул в мозолистую выпачканную в земле ладонь.

– Хочешь – сам ставь. А я сюда больше ездить не буду. И могилу её навещать не стану.

Развернувшись, Федя быстро покинул погост, сел в маши-

ну и уехал прочь. А Василий, кинув хмурый взгляд на свежую могилу, сжал деньги в руке и побрёл домой, мастерить крест.

Через неделю речка Чертянка разлилась. Её холодные грязные воды затопили берега, добрались и до старого погоста, подмывая захоронения. Дед-могильщик с тоской глядел, как заваливались на бок и падали изъеденные временем кресты и каменные памятники. Надев высокие рыбацкие сапоги, он прошёлся вдоль ограды, то и дело оскальзываясь на размытой глинистой земле.

Тихая могила в углу с простеньким деревянным крестом и именной табличкой тоже не уцелела. Из мутной воды выглядывал лишь крест. И Василий, покачав головой, вернулся домой.

Федя уже через пару дней спокойно забыл о старухе, как о страшном сне, что истаял былью. Он впервые вздохнул полной грудью. Но надышаться всласть едва ли успел. В субботу ему позвонила из деревни Зоя, сказала, что могилку Раисы подтопило.

– И что с того? – хмуро отозвался Фёдор, который как раз только растянулся на диване, готовясь поиграть в приставку и насладиться заслуженным выходным. Выходным, когда в кои-то веки не надо было тащиться за сотню километров в деревню к старухе и слушать её причитания.

– Нужно бы приехать. Может, насос у кого одолжить? Ты бы воду откачал...

Федя закатил глаза и сбросил звонок. Не успел он даже взять в руки джойстик, как позвонила Лида, видимо, уверенная, что ей точно удастся переубедить непутёвого внука.

– Душа Раисы покой не обретёт в сырой земле. Многим в деревне она уже во сне приходила. Надо перезахоронить... – только начала она, а Фёдор уже закончил этот разговор, нажав красную кнопку. Оба номера нашли свой бесславный конец в чёрном списке.

Пока что покой никак не мог обрести один лишь Федя. Он не без раздражения сходил на кухню, смешал в гранёном стакане виски с колой и вернулся на диван. Сделал большой глоток. Напиток скользнул по пищеводу в пустой желудок, обжигая приятным теплом. В голове у Фёдора сразу стало легче, а мысли о противной старухе забились в дальний угол сознания.

До позднего вечера Федя упоённо проходил новую добротную хоррор-игру. Бегая по тёмным тоннелям военного бункера и спасаясь от обосновавшегося там мутанта, он прикончил не один коктейль. По телу растекалась мягкая нега безмятежности, а на улице уже царил густой полумрак весенней ночи. Из раскрытого окна веяло свежестью и лёгкой прохладой.

Когда Федя, прикусив от напряжения кончик языка, крался героем мимо охотившегося мутанта в тесном коридоре, вновь зазвонил телефон. Федя дёрнулся от неожиданности, монстр его мгновенно заметил и с особенным удовольстви-

ем сожрал. На экране пошла мрачная анимация смерти.

– Алё! – гаркнул в трубку Фёдор, расстроенный, что придётся всё проходить с последнего сохранения, которое по закону подлости было сделано довольно давно.

Со стороны звонящего не доносилось ни звука. Федя не глядя увеличил громкость и повторил:

– Алё! Я слушаю!

Ему не отвечали, но на том конце трубки появились посторонние шумы. Фёдор прижал телефон плотнее к уху. Ему показалось, что журчала вода.

– *Холодно... Тут так холодно...* – неожиданно громко прошептали Феде прямо в ухо ломким надтреснутым голосом. Он даже вздрогнул и отстранился, чтобы взглянуть на экран.

Там высветилось имя абонента – «Старуха». Так в телефонной книжке была записана Раиса.

Федя не поверил собственным глазам, но удивление быстро схлынуло.

– Алло! – недобро рявкнул он в трубку, сжимая её так крепко, будто она пыталась вырваться из пальцев. – Эй, вы там, вы меня слышите? Зоя, Лида, это вы? Или это кто-то ещё из деревенских? Это не работает! Звоните хоть с какого номера, я не приеду больше в Порубы!

Он сбросил звонок, выключил телефон и вернулся к игре. В груди нарастало раздражение от глупых уловок деревенских – почему-то судьба покойницы всех чрезвычайно вол-

новала. Хотя Феде казалось, что её никто там особо не любил – все заботы сваливали на него, как на внука. Но вот теперь они отчего-то были готовы пойти даже на подобные уловки, лишь бы вынудить его приехать и перезахоронить покойницу! Бред!

Алкоголь плескался в крови огненной водой. Федя бесстрашно с фонарём обследовал бункер, не уставая при этом злиться на Зою и Лиду. Наверняка это всё была их идея! Вот же им не сидится спокойно по домам, везде им надо влезть, всё сделать по-своему!

Телефон зазвонил снова. Федя с трудом удержался от того, чтобы не запустить джойстиком в экран, а потом посмотрел на сотовый. Абонент «Старуха» настойчиво звал его поднять трубку.

Федя нахмурился. Ему казалось, что он отключал телефон. Но может, недостаточно долго держал кнопку выключения? Или и вовсе только хотел это сделать, но не сделал?

Он молча ответил на звонок.

– *Сыро и холодно... Кругом вода...* – мгновенно прошептали ему в ухо. Голос был неживым, тусклым и трескучим. По коже Феде пробежал мороз, и он встал закрыть окно.

– *Кругом могильная вода...* – повторили в трубке.

И Фёдор вдруг ощутил, как ухо обожгла стывшим поцелуем струйка воды, которая быстро пробежала по щеке, шее и пропитала футболку. Из телефона сочилась ледяная грязная влага. И её становилось всё больше и больше. Федя испуган-

но кинул телефон на пол, коснулся щеки. Она была влажной, и эта влага остро пахла раскисшей землёй и дышала холодом.

– *Вода...* – напоследок протрещал голос в телефоне, и экран погас. Только расплывшаяся мутная лужица воды под сотовым и не давала поверить, что случившееся Феде произошло.

Он сглотнул, медленно подошёл к телефону и подобрал его. Телефон выглядел совершенно нормально. Фёдор зажмурился, пальцами помассировав веки. Наверное, ему не следовало так много пить сегодня. Это из-за виски и хоррор-игры его так крепко развезло, что стало мерещиться всякое странное. Нужно было просто проспаться. Вот и всё.

Едва голова коснулась подушки на диване, Федя мгновенно заснул, словно кто-то незримый щёлкнул пальцами, и сознание вмиг отключилось. Ему снился старый дом в деревне Порубы: грязная разбитая дорога вела к покосившейся избышке. Калитка была призывно открыта, а в окне за прозрачным тюлем виднелся силуэт – Раиса опять была на посту и в окно следила за всем, что творилось на улице. Федя испытал странное чувство, будто там этого силуэта не должно было быть. Но чем ближе он подходил к домику, тем темнее становилась фигура у окна, тем сложнее было рассмотреть – кто же это был на самом деле...

Фёдор нетерпеливо вбежал в сени, оттуда распахнул дверь в комнату. У окна никого не было. Но зато на двух табуретках стоял обитый бархатом открытый гроб. В нём лежа-

ла покойница. В чёрном платье, с причёсанными волосами, с церковной свечкой в переплетённых одеревеневших пальцах. Огонёк свечи бросал пугающие тени на неживое лицо старухи, но Федя всё равно склонился к нему и сухо поцеловал покойницу в лоб, прощаясь.

Когда он отстранился, рот мёртвой старухи начал медленно открываться, будто чёрный зев бездонного колодца, в котором всё прибывала и прибывала вода. Она начала сочиться изо рта, ушей и носа, стекала по щекам и подбородку, ручьями убегала вниз, прячась под волосами. Фёдор как замороженный смотрел на потоки воды цвета дёгтя, исторгаемые покойницей.

Гроб заполнялся водой, будто тонущая лодка, пока тело старухи полностью не скрылось под непрозрачной чернильной поверхностью. Осталась лишь тонкая догорающая свечка, чьё рыжее пламя отражалось в чёрных водах, металось бликами по стенам пустой избы. И стоило фитилю дотлеть, Федя резко проснулся в своей квартире.

Была середина ночи, комнату совершенно выстудило. Фёдор задрожал, стуча зубами, выпутался из одеяла и побрёл к окну. Оно было распахнуто, хотя перед сном, кажется, Федя его закрывал. С грохотом захлопнув окно и пошарив мутным взглядом по комнате, Фёдор вдруг почувал резкий запах мокрой земли.

Он шмыгнул носом, запах не ослаб. Его босая нога неожиданно заскользила в темноте на чём-то влажном. Чудом

удержав равновесие, Федя быстро нашарил рукой торшер, включил свет и устался под ноги. От окна и до самого дивана тянулась неровная цепочка лужиц. И именно от них шёл этот навязчивый запах влажной земли.

Было нечто до дрожи жуткое в этих лужицах. Будто через окно в квартиру Феди пробрался чужак, прошлёпал мокрыми ногами через всю комнату, а потом исчез. Но Федя жил на восьмом этаже.

До позднего утра он спал рывками. То проваливаясь в дрему, то просыпаясь и боязливо оглядываясь. Ему всё казалось, что в серой предрассветной дымке из угла за ним кто-то молча наблюдал. Федя был готов поклясться, что слышал пару раз отчётливый звук падающих капель и журчание стекающей воды. Но к его пробуждению в углу не было ни следа. А мокрые пятна на полу, тянувшиеся от самого окна, видимо, высохли.

Всё явнее дурные грёзы казались ему лишь последствием чрезмерного возлияния. В самом деле, зачем он только накрутил себя после вчерашнего звонка?..

Голова побаливала, в теле чувствовалась неприятная скованность, и Федя решил перед завтраком полежать в ванне четверть часа. Горячая вода всегда помогала ему прийти в себя и расслабиться.

Он забрался в объятия эмалированного ложа, подтянул колени и включил воду. Шумный горячий поток с рёвом хлынул в ванну, лаская обнажённую кожу. Федя закрыл гла-

за и отдался этому теплу, смывавшему всю тяжесть прошедшей ночи.

Ванна наполнялась быстро, и только когда вода пощекотала Феде подбородок, он распахнул веки и потянулся к краю. Но оцепенел, стоило ему увидеть, что он лежал в ванне, наполненной мутной грязной водой, будто с примесью глины и песка. Он охнул, брезгливо поднимаясь и сверху оглядывая отвратительную жижу, в которой ему невольно пришлось поплавать.

В то же мгновение его ступню что-то безжалостно схватило под водой костлявыми пальцами, и Федя испуганно взвыл, завалившись на стену. Ногти впились в кожу, пронзая плоть чуть ли не до костей, и Федя выскочил из ванны, практически выдрав ступню из цепких пальцев. Он потрясённо уставился на мутную воду, но едва ли в ней было видно, что за чудовище таилось на дне.

Дёрнув цепочку, Федя вытащил пробку из слива. Вода закрутилась водоворотом, с хлюпаньем всасываясь в трубы. Пока в ванне не осталось ничего. Совсем ничего.

Федя ошеломлённо взглянул на ступню – там кровоточили пять глубоких ранок.

Ему это всё не казалось. Ему это всё не мерещилось. Боль стала мериллом его реальности.

Накинув на мокрое тело халат, он бросился в спальню. И сразу споткнулся на пороге. Всюду стояла вода, покрывая пол тонким слоем. Из центра в сторону Фёдора медленно

плыл пустой гроб, обитый пурпурным бархатом. Он плавно покачивался, словно величественная ладья на озёрной глади, и на бортах поддрагивали огоньки тонких церковных свечек. Расплавленный воск стекал по гробу вниз и жёлтыми каплями срывался в воду, порождая рябь.

Было утро, сквозь занавески сочился рассеянный свет, но отчего-то ночной кошмар продолжался, будто рассвет ещё не наступил и по-прежнему властвовали тени.

Смолянистая непрозрачная вода волнами билась о порог, касаясь ног Феди, а он распахнутыми от ужаса глазами наблюдал за качавшимся гробом, неумолимо приближавшимся к нему. Пустой гроб искал того, кто займёт его тесное нутро.

– Нет... Нет... Нет!.. – исступлённо зашептал Фёдор. – Старуха, неужели это ты? Неужели даже после смерти ты будешь терзать меня?!

Он нервно захлопнул дверь, ведущую в комнату, и привалился к ней спиной.

Такого не могло быть, просто не могло быть! Он словно стал героем хоррор-игры, в которые сам так любил играть. Вот только быть этим героем в реальности ему не очень хотелось.

Из-под двери в коридор медленно стала сочиться ледяная вода, подбираясь к босым ступням Феди неумолимым хищником, неотступно преследующим добычу. Фёдор испуганно шархнулся в сторону. Дома оставаться было просто небез-

опасно.

Накинув куртку прямо на халат и сунув ноги в обувь, он выскочил из квартиры, торопливо запирая входную дверь. Судорожно ткнул кнопку лифта, прислушиваясь к лязгу стальных канатов в шахте. Слева раздалось тихое журчание.

Из-под входной двери Фединой квартиры просачивалась тёмная вода, заполняя тамбур. Она текла сквозь щели, выскивая любые пути, а через пару ударов сердца хлынула из замочной скважины. Федя сжал губы и в два раза быстрее стал щёлкать кнопкой лифта. Но тот всё с утробным гулом ползал по шахте, не приближаясь к нужному этажу.

Плюнув на всё, Федя ринулся к лестнице. Он перескакивал ступеньки через одну, практически пролетая пролёты один за другим. А за спиной слышался звук воды, ручьями стекавшей по лестнице. Она всё набирала скорость, будто полноводная река, прорвавшая плотину и угрожавшая затопить всё и вся.

Когда Федя был на пятом этаже, вдруг с грохотом распахнулись створки старого лифта. В тусклом жёлтом свете внутри вертикально стоял открытый гроб, где на белой подушке покоилась Раиса. Но в облике усопшей не было ни покоя, ни умиротворения. Её седые волосы мокрыми неприглядными сосульками свисали вниз, влажное покрытое глиной и песком платье сгодилось бы теперь лишь на половые тряпки. Неживое лицо было искривлено в гримасе недовольства и злобы, глаза закрыты, а скрюченные пальцы шевелились, как

безобразные паучьи лапки.

– *Бросил бабушку... Бросил...* – плачущим срывающимся голосом прошелестела покойница. – *Теперь бабушка совсем одна лежит в сырой могиле. В воде и холоде... В холоде и воде...*

Волосы на затылке у Феде встали дыбом от увиденного, но он нашёл силы ответить этому жуткому видению:

– *Всю жизнь я у тебя мальчиком на побегушках был и ни слова благодарности не услышал! Хватит! Достала, старая карга! Умерла, так лежи себе в земле мирно, дай мне пожить спокойно!*

Его крик эхом разнёсся по всем этажам в подъезде, но покойница не исчезла. Лишь продолжила недовольно шамкать мёртвыми губами:

– *Бросил бабушку...*

Не слушая больше старуху, Федя продолжил спускаться. Под ногами стояла вода, натёкшая с верхних этажей. Она покрывала ступени, и Федя, чтобы не поскользнуться, ступал медленнее. А на каждом пролёте его ждали распахнутые двери лифта, где стоял гроб с мёртвой Раисой, и бабка настойчиво шептала:

– *Бросил...*

– *В воде бабушку оставил...*

– *Давит могильная водица, давит...*

Зажав уши, Фёдор выскочил из подъезда, сипло дыша и пребывая в крайней степени злости. До того ему было гадко

на душе, что капризная докучливая старуха не оставила его и после смерти. И хотя и страшно было наблюдать все эти видения, насылаемые покойницей, но повестись у неё на поводу ещё хотя бы раз казалось Фёдору настоящим поражением. Он всю жизнь ей угождал, не переваривая в душе, но вот теперь последнее слово должно было остаться за ним!

Отыскав на стоянке машину и нырнув в стылый салон, Федя завёл двигатель. Он повернул зеркало заднего вида и решительно уставился на своё отражение:

– Пусть лежит там, где похоронили! Потому что я так сказал! Потому что хватит с меня, хватит делать всё по её указке! Сколько там ещё она сможет меня пугать, пока дьявол не затащит её в ад? Девять дней? Сорок? Плевать! Я найду, как сбежать!

Когда он вернул зеркало на место, с заднего сиденья автомобиля через отражение на него смотрела бабушка Раиса, недовольная, как и всегда, презрительно сжавшая губы, глядящая исподлобья и широко раздувшая ноздри.

Федя медленно поднял руку и показал отражению средний палец, а после отвернул зеркало.

Он выехал с парковки, и машина понеслась по городским улочкам, рассекая глубокие лужи. Склонившись к самому рулю, Фёдор напряжённо думал. Решимость крепла в нём всё больше. В конце концов, что этот злобный призрак неупокоенной бабки мог ему сделать? Облить вонючей водой или поцарапать ногтями ногу? Смешно! Жалкие пугалки, кото-

рые не страшили его даже в хоррор-играх. Он найдёт место, где Раиса не сможет до него добраться.

Например, в церкви. В церкви ведь покойница вряд ли захочет появиться, верно?

Окрылённый этой идеей, Федя вырулил на центральную улицу и в потоке других машин помчался вперёд. Один крупный храм располагался в паре кварталов от раскидистого городского парка. Ехать было не так долго, и Федя прибавил газу, ловко обгоняя медлительных водителей, вяло плетущихся на работу.

Впереди показался железобетонный мост, связывавший две части города, стоявшего на разных берегах реки. Фёдор перестроился в крайний ряд и вдруг заметил краем глаза смутное движение. На пассажирском кресле сидела мёртвая старуха. И стоило Феде её заметить, как она вытянула высохшую костлявую руку и резко крутанула руль в сторону.

– Иди к бабушке, внучок.

Машину развернуло на полной скорости. Федя вдавил педаль тормоза, завизжали шины, и автомобиль, сломав ограждение, замер на самом краю моста, над пропастью. Практически сразу в багажник врезался водитель, не успевший притормозить. Искорёжился, сжался металл, послышался новый грохот. В лицо Феде выстрелила подушка безопасности.

А после машина медленно и неумолимо стала со скрежетом заваливаться вперёд и вниз. Пока мир вдруг решительно и резко не покачнулся, устремляя навстречу Феде. Автомо-

бил камнем рухнул с моста в реку, подняв фонтан брызг. В то же мгновение Федя, крепко стукнувшись головой о потолок, потерял сознание, успев заметить, как непрозрачная вода окружила машину.

В себя он пришёл, по ощущениям, почти сразу. Вздрыгнул, вспоминая, что случилось. Перед глазами стояла беспроектная мгла. Федя ощупал лицо – с ним всё было в порядке. Он точно находился не в машине и точно лежал на чём-то жёстком. Вытянув вперёд руки, Федя сразу упёрся в деревянные доски, обитые тонкой гладкой тканью. Он пошарил по бокам, попытался согнуть колени, и его пронзила ужасающая в своей истине мысль – он был в гробу.

Его прошиб пот. Федя закричал и забарабанил руками по крышке гроба.

– Эй! Помогите! Я живой! Помогите!

От ударов с той стороны крышки зашуршала земля, застучали мелкие камешки.

Он не просто лежал в закрытом гробу, он уже был похоронен в земле.

– Боже мой! – в ужасе воскликнул Федя и забарабанил кулаками активнее. – Кто-нибудь! Спасите меня! Вытащите меня отсюда!

Воздух внезапно стал густым, как патока, он неохотно проталкивался в лёгкие, совершенно не насыщая кровь. Федя замолк, беспомощно хватая ртом воздух. Его сознание билось в панике.

Куртка и халат вдруг намокли, а под голыми икрами будто разлилась вода. Федя испуганно стал ощупывать руками дно гроба. Оно увлажнилось. Сквозь щели в досках внутрь неторопливо проникала ледяная вода. Она пропитывала одежду Феде, обжигала холодом кожу.

– Нет! Только не это!

Он попытался выбить крышку, ударяясь в неё плечом, пытаясь поднять колено. Но всё было тщетно. А вода неостановимо прибывала. Она уже заполнила гроб на треть. Фёдор молотил руками, вопил и ссадил костяшки до крови, но ничего не мог поделать.

Студёная могильная вода погребла под собой всё его тело. Федя, вытянув голову вверх, в отчаянии глотал оставшиеся крупинцы кислорода. А вскоре не стало и их, когда вода заполнила всё пространство. Фёдор задержал дыхание, он до последнего мгновения надеялся на чудесное спасение, на шанс.

Когда воздух закончился, вода хладными щупальцами скользнула в рот и нос. И Федя, чувствуя, как горят огнём лёгкие, утонул в темноте.

Он пришёл в себя от грубого удара в живот. Из рта, вместе со слюнями и соплями, хлынул поток грязной воды с земляным привкусом. Федя едва успел сделать желанный глоток воздуха, как вода хлынула из лёгких через нос, заставляя кашлять и кашлять.

– Живой! – радостно гаркнули сверху.

Федя был на берегу реки, под мостом, вымокший насквозь, промёрзший до костей. Вокруг толпились люди, кто-то, держа колено у него под животом, выбивал из Феди воду, пока тот нормально не прокашлялся и не задышал, сам встав на четвереньки.

Люди о чём-то говорили, гудели, вдали орали сирены. У Фёдора в голове стоял шум воды, заглушавший всё. Во рту был отчётливый привкус могильной воды, а в памяти ещё свежа была память о затопленном гробе. Слишком отчётливо он помнил, как вода обволакивала его, как лишала последних крох жизни. По всему выходило, что покойница представляла вовсе не мнимую угрозу, она была пострашнее игровых монстров. И вполне реально могла его убить. А оказаться ещё раз в том гробу, полном воды, Фёдор теперь боялся больше всего на свете.

Покачиваясь, он рывком поднялся на ноги. Люди принялись голосить о скорой помощи, о больнице, но он их всех растолкал. Некогда ему было тратить время на больницы.

– Твоя взяла, старая карга, – как блаженный шептал себе под нос Фёдор, пока брёл по городу в сырой одежде и ловил удивлённые взгляды прохожих. – Последний раз. Последний раз сделаю так, как ты хочешь. Будешь лежать в сухой земле на кладбище в Вешнянках. И крест будет, и поминки. Только отстать от меня потом, старуха. Отстань.

Пешком добравшись до дома, он поднялся в квартиру. Следов потопа не было, как и жутких видений – покойни-

да покорно притихла. Действуя как во сне, Федя переоделся, собрался и через пару часов, одолжив у соседа машину, уже ехал к деревне Порубы. К деревне, куда он обещал больше не возвращаться.

Машина была старая, не позволявшая разгоняться до нормальной скорости, так что до нужного поворота с указателем Федя доехал лишь к заходу солнца. Серое небо медленно гасло, теряя по капле дневной свет. Автомобиль, то подпрыгивая на колдобинах, то утопая в ямах с грязью, крался в сторону затопленного погоста. Когда Фёдор подъехал к ограждению, войлочный полумрак опустился ему на плечи.

В домике могильщика свет не горел. Федя долго стучал в дверь, но Василия либо не было, либо он не собирался открывать. Позаимствовав из сарая дедка всё, что могло ему понадобиться, Федя побрёл в сторону погоста. Он был готов копать всю ночь напролёт, мастерить опалубку из досок или мешков с песком, вычерпывать воду. Всё что угодно, лишь бы достать этот чёртов гроб и увезти его в Вешнянки как можно быстрее.

Погост превратился в озеро. В наступающих сумерках тёмно-серое небо отражалось в воде, и из неё то здесь, то там выступали кресты. Покосившиеся и ровные, они перемежались с выщербленными ветром могильными камнями, и тянулись вдаль, насколько хватало глаз.

Опираясь на лопату, Федя обречённо брёл по воде вдоль ограды. Ему чудились за спиной чужие шаги, шлёпанье, но

он не оборачивался – пусть нетерпеливая покойница наблюдает, сколько ей хочется, он же будет делать ей последнее одолжение.

Вот показался тот самый угол, где должна была находиться могила Раисы. Из воды выступал простой деревянный крест с прибитой табличкой. Только вместо имени старухи на нём почему-то было написано нечто совсем другое:

Рябов Фёдор Денисович

1992-2023

Федя дёрнулся. Вода перед крестом вдруг забурлила, пошла рябью и стала уходить, всасываясь в почву, пока взору Феде не открылась глубокая разрытая могила. Нигде больше вода не отступила, и этот прямоугольный провал выглядел как портал в ад посреди безмятежной глади. Он вытянул шею и заглянул в могилу. На самом дне в воде плавал пустой гроб со сдвинутой крышкой.

– Что ж ты медлишь? Она тебя одного дожидается. Нет ей покоя без тебя, – проговорили из-за спины знакомым старческим голосом, и одновременно с этим чьи-то руки толкнули Федю.

Толчок был такой силы, что Федя полетел вниз пушечным ядром, грохнувшись прямо в открытый зев гроба. Крышка сама собой стала закрываться, и Федя не смог её остановить.

– Нет! Нет! Только не это! – завопил он что есть мочи. – Нет! Выпустите!

Но сколько бы он ни надрывал горло, как бы отчаянно ни

барабанил по крышке закрывшегося гроба, ничто не помогало. Сбывался его худший кошмар.

Дед Василий, стоя на краю, молча наблюдал, как в могиле стала прибывать вода. Она всё поднималась и поднималась, пока не затопила гроб, пока не стихли крики Феди, пока вода не заполнила всю могилу и не остался торчать один голый крест над ровной гладью.

Из-за спины Василия выступили Зоя и Лида, набожно крестясь.

– С миром покойся теперь, Раиса, – забормотали они, поглядывая на воду. – Никого из наших в деревне не тронь. Последнего своего себе заberi.

– Аминь, – закончил за них Василий.

Вскоре они втроём молча ушли прочь от безмолвной затопленной могилы. Могилы бабушки Раисы и её любимого внука, бывшего с ней при жизни, оставшегося с ней и в посмертии.